

Н. Д. ТАТИЩЕВ

Ясная Поляна (1973)

В Туле были те же вывески, что в Москве: «Продажа головных уборов». Солдатский стиль первой мировой войны. Церкви в Туле сохранились хуже, чем в Москве, купола разбиты и не отремонтированы.

Как эта страна была задумчива и тиха до наших грозных событий! Чудно гудели колокола над перелесками и полями. Колокола извещали о рождении нового человека, о его женитьбе, о смерти. Толстой, хмурый, пасмурный, бредет с палкой по «Заказу». Вокруг носятся собаки — новое поколение после той Милки, с которой начинается «Детство».

Толстой морщится, не понимает, зачем эти колокола на горизонтах вводят в обман мужиков в тулупах. Он говорил об этом с мужиками, и один из них нашелся возразить: «Ведь для вас в городах есть театры, концерты, картины, а у нас плуг, телега да церковь, зачем же ее разрушать?»

Потом людей стали запутывать по-другому. Деревня в моем детстве уже меньше верила в рай или в чудотворные иконы. «Обману приходит конец», — говорили нашим слугам деревенские парни. «Когда старики помрут, мы закроем все церкви». Это было еще до 17-го года. Потом парни сами стали стариками, как тот, которого мы утром подвозили, бывший герой Красной Армии. Он шел за тридцать верст помолиться перед смертью в еще не раскулаченную церковь.

После Японской войны лакей Александр, зная, что я не передам этого в гостиной, учил меня так: «Когда человек умирает, из него, как из коровы, выходит “пар” и больше ничего. Никакой души нет, ни наказаний, ни награды на том свете, это нас оболванивают, чтобы мы на вас работали не покладая рук».

Но и в городах церковь и все, что с ней связано, не принимались всерьез. В гимназии учитель литературы советовал Досто-

евского читать, раз это входит в программу, но не слишком верить всяким кликушам и ханжам.

Сейчас старая прогулка продолжается на новый лад: уважается прежнее, то, что превратилось в запретный плод. Комедия нашей жизни, в которой все притворяются, и зрители и актеры.

В Туле мы нашли хороший ресторан «Дружба». Оттуда скоро свернули направо, и вот уже начались пруды и парк. Вокруг много берез — нам сказали, что сам Лев Николаевич их сажал и следил за ними, пока они не окрепли.

Нас ведут в глубину парка, туда, где парк превращается в лес и где среди зарослей запрятана могила Толстого.

Кусты, клены, елки стоят полукругом. Если не знать, легко не заметить могилы: как на пустыре — совсем короткая детская грядка. На таких в нашем младенчестве мы пытались выращивать редиски и огурцы. Развалившаяся деревянная ограда, на ней приколота надпись: «Просят цветов не приносить». Но кто-то их все же приносит, кажется, японцы или индусы. По утрам садовники выметают увядшие цветы, вот они тут же собраны в кучу, потом их увезут на тачках, чтобы сжечь. А грядку будут разрыхлять граблями, чтобы она не утрамбовалась, не заросла травой, не слилась бы с почвой.

Проще было бы поставить камень с надписью, но Толстой хотел не оставлять никаких следов. Пока имеются сторожа и садовники, могила сохраняется, несмотря на дожди и снега. Ведь прошло уже 63 года с того дня, когда его закопали.

Возвращаемся к дому, нам показывают библиотеку. Книжных шкафов много, и внизу, в кабинете, около дивана, где Толстой родился, и у стола, за которым писал, в коридорах, во многих комнатах. Книги чуть ли не на двадцати языках, включая греческий, еврейский, санскрит, китайский, эсперанто.

Анна Ахматова сравнивала двух величайших русских мыслителей с двумя башнями одной постройки. Оба искали смысла в надвигающейся катастрофе. Толстой с нетерпением ждал этого события, он записал в дневнике 1881 г.: «Революция экономическая не то что может не быть, удивительно, что ее еще нет». Достоевский предчувствовал ужас надвигающейся бури и размышлял, что можно сделать для предотвращения потопа. Но, быть может, в результате грозных событий произойдет очищение сердец и наступит общее просветление? Или никакого выхода из насилия не будет, не может оказаться? Об этом, о способности к новому возрождению, мне приходилось слышать этим летом, но обо всем не расскажешь.

Наша водительница начала объяснять учение Толстого, напоминая, что он не сводил все Евангелие только к одной заповеди: непротивления злу силой или насилием, а учил о пяти правилах морали, к которым сводил всю глубину священных книг всех народов: «Не гневись, не блуди, не противься злему, не клянись, не вой». Это из книги «В чем моя вера» и из многих писем и дневников.

Все это азбука для школьников — говорили мы потом, когда возвращались в Москву. У младенцев бывают припадки гнева, а «не клянись» — что значит и как это делается? Остальное тоже не мудро. На самом деле Евангелие и сама жизнь неизмеримо глубже, загадочнее и труднее.

С Достоевским Толстой ни разу не встречался, хотя оба желали поговорить, но всегда что-то мешало. Ясно, в чем тут было дело: каждый чувствовал, что из разговора ничего не получится, не та музыка.

Софья Андреевна встретила с Достоевским в Петербурге, куда она ездила просить Александра Третьего, чтобы сняли запрет с «Крейцеровой сонаты»¹. Она зашла к Достоевскому и спросила его мнения о «пяти правилах». Достоевский — записала она в дневнике — стал молча ходить по комнате, потом сказал: «Главное в Евангелии не в этом, а вот в чем: “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... Все через него стало быть... В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков”».

До сознания Софьи Андреевны как будто что-то дошло, но сам Лев Николаевич этого не понял бы и счел бы, что это очередная попытка запутывать мозги простых людей. «Часто в спорах с учеными людьми я натываюсь на полное непонимание, мы как будто говорим на разных языках».

Наша водительница по библиотеке читала нам, находя заложённые места в дневниках и письмах Толстого. Смысл этих записей сводился к тому, что для правильной жизни важна мораль, самая примитивная, сразу всем понятная, а остальное — от лукавого. Однако женщины у Толстого лучше мужчин: «Из средних художественных произведений женские лучше, интереснее... Когда автор пишет, мы — читатель — прикладываем ухо к его груди и говорим: дышите. Если есть хрипы, они окажутся. И женщины не умеют скрывать. А мужчина выучится литературным приемам, и его уже не увидишь из-за его манеры, только и знаешь, что он глуп. А что у него за душой — не увидишь...» (Дневник, 20 окт. 1896).

Чем человек менее учен, тем легче ему понять главное в жизни:

«В моем “Большом свете” (так Толстой называл мужицкие избы) меня не читают, значит, меня как писателя еще нет» (Из письма к его тетке, А. А. Толстой).

Мужчины иногда верно говорят, дают правильные советы, но объяснить их слова может женское сердце. Может быть, это главное в творчестве Толстого. Об этом имеется в одном из его писем к Черткову. Следует напомнить, что мать в «Детстве» не только добрее, но и умнее отца (княжна Марья умнее и добрее Николая Ростова), также Долли, жена Стивы Облонского. Еще Анна Каренина и Вронский, не говоря уже про идеальную женщину, Наташу, которая «не достаивает быть умной».

Каждая из этих женщин инстинктом понимает о самом главном, о чем их мужья изредка догадываются.

Вот отрывок из письма Черткову, 1887 г.:

«Хочется мне написать такую сказку: Был царь, и все ему не удавалось, и пошел он к мудрецам спросить, отчего ему неудача. Один мудрец сказал: оттого что он не знает часа, когда что делается. Другой сказал: оттого что он не знает человека, который ему нужнее всех. Третий сказал: оттого что он не знает, какое дело дороже всех других дел. И послал царь спросить у мудрецов, у этих и у других: какой час важнее всех, какой человек нужнее всех и какое дело дороже всех. И никто не мог отгадать. И все думал об этом царь и у всех спрашивал. И отгадала ему девица. Она сказала, что важнее всех часов теперешний, потому что другого нет ни одного такого же. А нужнее всех тот человек, с которым сейчас имеешь дело, потому что только этого человека и знаешь. А дороже всех дел то, чтобы сделать этому человеку доброе, потому что это одно дело тебе наверное на пользу».

